

МАСЛЕНИЦА

Тверца ещё в глубоком сне,
но лёд подёрнут зеленцою.
Весна является с ленцою:
повсюду снег, и снег, и снег...
И зелень елей глубока.
Нарядно от ветвистых кружев.
К глазам так близки облака,
так ноша неба нелегка,
что им подпор какой-то нужен.
Горластой Масленицы гвалт,
притоп с прихлопом да припевки.
Какой бы возраст ни назвал —
не важно: все мы красны девки.
О хоровод, меня прими!
Не выпускай моей лагони,
влеки, кружи, тащи, тяни —
бес не найдёт и не нагонит!
И вспыхнет чучелко зимы,
на перекрестье умирая.
Тверце приснилось: это мы
опять с крестами
в смерть играем.

Здесь чаща малинника, яблоко сага,
здесь капелька света свисает с листа.
Куда торопиться?
Не наго,
не наго...
Чего суесться,
коль жизнь непроста?

Травинка в губах на манер сигареты,
за неимением лучших манер.

*Прожито, проето, про это проето...
И заново — осень.
И морды химер.*

★★★

*Быть откровенной, искренней — боюсь.
Ну что же ты? Разубеждай, не мешкай.
Скажи мне, что прекрасен наш союз,
скажи без раздраженья, без усмешки.
Скажи, что кисло без меня вино
и горек хлеб. И воздух не прозрачен.
И даже если всё не так, иначе,
наври с три короба.
Мне, в общем, всё равно.
Скажи, что без меня течёт вода
не с неба в травы —
просто в лужи с крыши.
Скажи негромко. Молча.
Я услышу!
И больше не забуду никогда.*

★★★

*Две-три снежинки. Всё нелепо.
До мая умер соловей,
и встала между мной и небом
сквозная графика ветвей.

Недвижна чёрная водица.
Молчат стальные небеса.
Ни объяснить,
ни проститься.
Ни просто заглянуть в глаза.*

ЭТЮД

*Как карандаш грозит в руке
от нетерпенья!
Смотри: в заплаканном окне
пейзаж осенний.*

Деревьев горький силуэт
сжимает рама,
и грифеля небрежный след —
неловкий, торопливый след! —
бумагу ранит.

Дубы, натурщики мои,
ивы-богини,
вам посвящаются бои
отважных линий.
Ваш чёткий абрис так манит!
Вы безотказны.
О лист бумаги —
мой магнит
и место казни...

Деревьев суть обнажена,
и это — важно.
Растаяли полутона
на ветке каждой.
Понадобятся мне едва
коробки красок —
летит прощальная листва,
чуть светит слабая листва,
вот-вот погаснет...

★★★

Мир тебе, сыроежка!
Ничего, если рядом прилягу?
Не сорву, не сломаю, не трону — меня не боись.
Ты красотка, конечно.
В этой шляпке — ты просто миляга.
Как желта твоя шляпка
с краем, лихо заломленным вниз!

Ничего, если вместе
мы с тобой тяжкий зной перетерпим
в затенённом овраге, у лесного, как ты, ручейка?

Он хрустально искрит
и вздымает хвоинки, как Терек,
для него как плотина —
обожжённая солнцем рука.

Птицам не подпою:
полагаю, что это уж слишком,
ведь искусство моё
не одобрят ни пень, ни лопух.
Лучше в старых корнях
я устроюсь с умнейшею книжкой
и, глядишь, помудрею...
Почитать тебе вслух?

Кто там? Здравствуйте, ель,
и позвольте пожать вашу лапу.
Всё ль в порядке у вас?
Хороши ли у шишек дела?
А вы знаете, ель,
я куплю себе жёлтую шляпу...
Даже не возражайте,
я решение уже приняла.

А когда солнце сядет,
на закате привычно помешкав,
я вернусь в смутный город
к утомлённым, слепым и глухим.
Я пройду по бульварам,
элегантная, как сыроежка,
и фонарным столбам
прочитаю вот эти стихи.

ЛУННЫЙ ВОСХОД

В низине рыдала и выла собака.
Луна из бездонных космических вод,
кровавая, лезла от хлада и мрака
на тихий, уютный земной небосвод.

*Одно за другим загорались окошки
домиков гачных. И всё, день угас.
Собака в низине стонала. А кошки
с небес не сводили прищуренных глаз.*

*Домишки осели, притихли безмозгло.
Низина темнела, туманом полна.
На наш обжитой небосвод,
к нашим звёздам,
чужая, огромная лезла луна.*

БАЛЛАДА О ГОЛОСЕ

*Уткнулась лодочка в мостки.
Шагов десяток до крылечка.
Дверь подгалась. И — тишь. Ни свечки
и ни лампад. Шаги легки.*

*Здесь только древний полумрак
с настоящим гревесным духом.
Здесь хорошо: прохладно, сухо,
надёжно и спокойно так.*

*Губами тронула молитву —
ту, что начало всех начал,
а голос (мается ль, болит ли?) —
свежо и полно прозвучал.*

*Мой тихий неказистый голос,
не узнаю тебя в себе.
Чем ты наполнен, кем ты послан,
откуда взялся в синеве?*

*Мой голос, брешь моя и слабость,
опять гортань воспалена,
тебе и песенка не в радость:
фальшива и глуха она.*

*Мой голос, мёртвый от волнения,
пересыхающий от слёз,
трещиноватый от куренья,
как спилы старые берёз,*

*мой голос, бедный от рожденья
до погруженья в седину, —
и это он, мой голос, пеньем
уплыл, светлея, в вышину!..*

*От нижней тёмной «до» погводной —
прозрачной лесенкою гамм —
до верхней, птичьей, непокорной
«до» серебристых амальгам!*

*Туда, под купол деревянный,
наверх, в затёсы топором,
что двести лет стоят упрямо
под ветром, снегом и дождём...*

*Но как? Откуда это пенье —
из неразумий и забот
сквозь приоткрытый в удивленье
неприспособленный мой рот?*

*И как ты отыскал, мой голос,
в забитой памяти больной
мелодию — пшеничный колос,
связь между небом и землёй?*

*От изумленья умолкая,
не понимая, в чём секрет,
я гумала: кто ж я такая,
что прислан мне певучий свет?..*

*Ведь это дерево, не камень!
Храмы давно разорены.
Какими ж дивными руками
когда-то вы возведены...*

*Кто выбрал это место — остров
меж стынью северных небес
и сталью вод? И кто же создал
древесный храм?
Неужто — Лес*

*взрастил его, как растут тайны,
грибы, деревья и цветы,
онежской влагою питая
тугие корни, что плутают
среди подземной темноты?*

★★★

*Редкий случай: на бульваре — никого.
Слева-справа — шелест мимолётных шин.
Разогрелось и сияет молоко
из стаканов фонарей. Ты не спеши.*

*Места много: прошагаем вразнобой,
посмеёмся и поплачем невпопад,
покудесим над нескладною судьбой,
поколдуем, вызывая снегопад...*

*Успокой на вечер гребезжащий нерв.
Полегчает на плечах твоих тоска.
Этот добрый дядя-милиционер
лишь покрутит молча пальцем у виска.*

★★★

*Всего того, чем пахнет Алазана,
не заключить в зелёную бутыль:
что по ночам шептала та лоза нам,
обвив всем телом серенький горбыль,
и как теплом отяжелели гроздьи,
полупрозрачны и утомлены,
как этот воздух бескорыстно роздан
всему, что дышит!
Как беспечны мы...*